

Книга подготовлена совместно
редакцией «Вилли Винки» и издательством «Строки»

ЧИТАЙТЕ
В КИОН СТРОКАХ



Копирование, тиражирование
и распространение материалов,
содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

ВАЛЕНТИНА
ДЁГТЕВА

# ФАНТАКОМБЫ

## ДОМ-НЕВИДИМКА



ИЛЛЮСТРАЦИИ
АНЫ НАГРАНИ

BOOKS!

Москва
2027



*Бойтесь старых домов,*
*Бойтесь тайных их чар,*
*Дом тем более жаден, чем он более стар...*

К. Бальмонт

# ПРОЛОГ ПЕРВЫЙ,
## В КОТОРОМ МОРОСИТ ДОЖДЬ

— Вытащи меня отсюда!

Кусок стены торчал из земли, как гнилой зуб. Когда-то здесь был парадный вход в особняк, но сейчас на месте дверей зиял провал, а вокруг — усыпанные листьями, поросшие кустами и лишайником руины. Кто здесь мог его окликнуть? Безголовый мраморный лев? Это вряд ли.

— Вытащи меня отсюда, слышишь?! Ты глухой или как? — снова донёсся сверху голос невидимой девчонки. Раздался отчаянный всхлип. Или где-то просто скрипнула дверная петля?

Паренёк в жёлтой куртке, высокий и тощий, с волосами до плеч, задрал нос повыше: что это было? Глас с облаков?

Но не увидел ничего, кроме хмурого неба и кислой каменной морды: когда-то эта рожа украшала панель над дверью. А теперь могла похвастаться только подбитым глазом и одним кривым рогом.

Раньше люди думали, что, если налепят на свои дома побольше чудищ, настоящие чудища обойдут их стороной. Уроды эти звались маскаро́нами, это

он знал: недавно поступил в архитектурный колледж на реставратора.

А кто ещё, кроме студентов и бомжей, будет шататься по таким местам, как этот Чёрный Колодезь, «усадебно-парковый комплекс в стадии разрушения»? Сюда от города на вонючем автобусе целый час трястись. Но атмосферненько, ничего не скажешь. Даже инфернальненько. Жаль, остальные забили на поездку.

Парень достал смартфон и снял на камеру гадкую морду — сгодится для курсовой. Но не каменный же истукан издаёт эти звуки. И тут снова:

— Я здесь, на втором этаже, неужели ты меня совсем не видишь?!

А ведь уже понадеялся, что в автобусе укачало. Если ещё с часок побродить по холоду без обеда, в тонких кедах... Воображение разыграется.

— Как я могу увидеть, если тут нет никакого второго этажа? — пробормотал он. — Где ты?

— Поднимись по лестнице, в гостиную с часами! Там ещё занавески синие!

— По какой лестнице? — фыркнул парень. — Твоя лестница рухнула лет двести назад. Это заброшка! Не подлежит реставрации, интересна только фрикам и спецам. Тут жил какой-то князь, а потом всё то ли погорело, то ли ураганом побило. Остатки после революции растащили. И часы твои с занавесками давно тю-тю. Где ты прячешься? Или это подстава какая-то?

— Кажется... Нигде, — голос невидимки срывался от холодного ветра и злости. — Я в полном нигде.

— Тебя здесь удерживают? Мне в полицию позвонить?

— Да какая уж теперь полиция. Подожди... Поймаешь?

Рядом что-то шмякнулось в грязь. Парень поддел железку ногой. Ржавый ключ. Что им откроешь, когда двери нет? Шутка затянулась. Может, тут квесты проводят и его приняли за участника. Кованый ключ был с вензелем, похожим на цветок тюльпана...

Он поднял антикварную штуку и едва успел отпрянуть — напротив блеснули глаза!

С ума сойти: из трещины в стене на него смотрела дикая лиса.

Лисица. Или лис?

А если она бешеная? Усадебный парк давно зарос, всякого ожидать можно. Паренёк стал отступать... Главное — не дёргаться, чтобы не напала.

«Бешеная, бешеная, — уверяли лисьи глаза. — Всякого ожидать можно...» Зверь обнажил зубы. На груди у него сверкнуло ожерелье с горящей алой каплей по центру. А правая передняя лапа...

Чёрт подери, она была механическая, на манер протеза! С шарнирами и металлическими когтями. Теперь мальчик видел ясно. И слышал зловещие щелчки, когда животное делало шаг. Шаг к нему.

— Да ну вас... — прошептал будущий реставратор. — И тебя, и киборга твоего в бусах...

Парень бросил взгляд на маскарон: ещё минуту назад тот не разевал рта в беззвучном крике! «Беги отсюда!» — намекала маска. А безголовый лев вздыбил спину, и с постамента посыпалась крошка...

Вряд ли всё это можно было списать на пары бензина в автобусе.

А пока жёлтая куртка с ключом в кармане неслась со всех ног в сторону шоссе, вслед летело:

— Вернись! Трус несчастный! Не бросай меня тут, кретин, болван, бестолочь, ну пожалуйста-пожалуйста!..

Истеричный лисий хохот разнёсся над мёртвой усадьбой. Зверь огляделся. И исчез в пустом проёме, как не бывало. С другой стороны стены он не вышел.

Настала тишина. Только ветер всхлипывал в слепых окнах. Только вечный ноябрь заело на календаре: вечноябрь.

# ПРОЛОГ ВТОРОЙ,
## В КОТОРОМ ОТ ГОФМЕЙСТЕРА ФУНКА ОСТАЁТСЯ МОКРОЕ МЕСТО

Гофмейстер Функ собирался жить вечно. Как минимум ещё пару тысяч лет, ведь двести двадцать ему удалось протянуть. А это внушает оптимизм!

За окном кабинета стоял прекрасный вечноябрь. Такой же, как вчера, позавчера и сто лет назад. В меру серый и промозглый. Гофмейстер хотел отобедать пуляркой с трюфельным соусом. Затем принять всех просителей — досадная необходимость. А под вечер музицировать в окружении прелестных сильфи́д и ундин.

Но, к сожалению, чихнул.

Опасно чихать, когда бормочешь заклинания. Какая быстрая и нелепая смерть! Вместо желаемого «темпус дуратус» из перекошенного рта вылетит какой-нибудь глупый «фуратус» — и всё, конец!

— О нет, — гофмейстер в панике зажал нос платком. Из глаз брызнули слёзы. Но было поздно. Вдребезги разлетелась колба, а едкая жижа прожгла дыру в свитке: кто теперь прочтёт роковую формулу, стоившую ему вечности...

Он почувствовал, как стремительно уменьшается, как широка стала ему чёрная бархатная мантия... Как высоко подпрыгнул потолок... А шахматный паркет бросился в лицо!

— Амаде-е-ей! — хрипло выкрикнул тот, кто ещё секунду назад был так силён и богат. Скрюченные пальцы царапали край стола. Попытались уцепиться за синие портьеры, но растаяли на глазах. Со звоном покатился подсвечник. — Помоги мне... А-а-ама-а-аде-е-ей...

В углу кабинета сверкнул огненный клубок и в один миг обернулся рыжим лисом.

Хищник поднялся на задние лапы и предстал в облике пушистого франта: лиловый сюртук, расшитый шнурами, кружевная манишка, лайковые перчатки и цилиндр, лихо надвинутый на мохнатое ухо. Зверь не зверь, человек не человек, но наверняка пройдоха.

Хвостатый слуга приподнял с пола мантию и шапочку с кисточкой — всё, что осталось от его могучего хозяина. Тряпки и липкая лужица.

— Фу, — скривился лис. — Дело пахнет дурно. И не только серой. Гофмейстер отправился ко всем чертям, и это хорошо, они его уже заждались, наверное...

В этот миг небо за стрельчатым окном почернело и хлопьями повалил снег. Лис насторожился:

— А вот это плохо. Погодка-то у нас лет сто не менялась.

Следом проснулись часы: ржавые стрелки задёргались и пошли. Причём в разные стороны.

— Это очень плохо!

Свечи в канделябрах вспыхнули ядовитым зелёным огнём...

— Ненавижу перемены, — сморщился тот, кого звали Амадеем. — Что-то теперь будет... И почему я должен расхлёбывать это один? Кароль, комок пуха, где ты, ходячая отбивная?! Дрыхнешь, небось? Пропустил такое зрелище!

Из-под кожаного дивана выкатился на сей раз светлый клубок, сверкающий, как шаровая молния... Шар раскрутился в белого кролика, который шустро вырос до человеческих размеров. Кролик растерянно оправлял сюртучок цвета корицы и теребил на носу пенсне:

— Что я проспал? Неужто обед?

— И-хи-хи-хи! — Лис рухнул от хохота в кресло. Он подкинул в воздух шапочку гофмейстера. — Хозяина ты проспал, Кароль, хозяина! Спасителя и покровителя! С ним покончено. Наш милый-милый дом слопал его со всеми потрохами. Все они так заканчивают: князья, графья, герцогини...

Кролик таращил розовые глазки:

— Да что ты такое говоришь, Амадей... Как у тебя язык не отсох...

Лис высунул длинный язык и скосил глаза: не отсох! С чего бы ему отсохнуть?

— Хозяин! — Кролик упал на колени и захныкал. Он ползал по полу и перетряхивал пустую мантию. — Драгоценнейший князь! Ваше блистательство! Я любил вас, как родную мать и даже как бабушку... Как же могла приключиться такая неприятность! Обычно все неприятности приключались с вашими врагами...

Лис пожал плечами:

— Вот это правда любопытно. Дом его слушался, как миленький. Вообще ничто не предвещало. Пулярку на обед шпиговали.

— На кого ты нас покину-у-ул... — Кролик потянул себя за уши, проглотил комок слёз и вдруг выпалил: — Так значит, теперь мы свободны? Мы свободны, Амадей?! И Ганс, и эти маленькие твари из подвала...

Лис подскочил с кресла.

Глаза его вспыхнули злобным огнём. Вмиг он сорвал перчатку, под которой обнаружилась механическая лапа. И это лапой он крепко взял кролика за горло.

— Свободны, говоришь? Сколько тебе лет, Кароль, скажи-ка, а?

— Д-д-д-д-вести... — пролепетал бедняга. — Именины на той неделе справляли.

— Ды-ды-двести, да? — съязвил лис. — Думаешь, там, снаружи, кролики столько живут? Для тамошнего мира мы давно сдохли, приятель! Всё, что нас держит, — это фантакомбы, будь они прокляты. Мы уродливые детища гофмейстера. Мы не протянем долго снаружи. Каждый раз, когда я выбирался прогуляться на свежем воздухе, время откусывало от меня кусок! Только здесь оно стоит, как вода в колодце. А там гонится за тобой и рвёт, рвёт на части... Нравится тебе моя лапка, да? Удобная штука, да мне и одной такой достаточно, пожалуй!

— А пилюли?

— На сколько их ещё хватит?!

— А если... — Кароль показал на шею, где сверкала бирюзовая капля на серебряном ожерелье. — Если как-нибудь сорвать эти ошейники? Не поможет? Мы не станем прежними? И пусть я проживу всего час-другой... Но самим собой?

Зверёк пустил слезу. Лис разжал лапу наконец.

— Я видел одного, кто попытался. И лучше тебе не знать, чем с ним всё закончилось. Не хочу пугать маленького кролика.

Маленький кролик насупился. А потом стал яростно топтать мантию:

— Проклятый Функ! Чтобы тебя черти насадили на вилку! А говорил, что держишь всё в кулаке, что особняк слушается тебя, как телёнок, что у нас в запасе вся вечность... Погоди, Амадей. А ты пересчитал портреты?

Амадей стряхнул с сюртука пылинку:

— Портреты? Не подумал.

— Маски, статуэтки? Ведь когда дом пожирает кого-то, этот кто-то становится частью дома и взирает на нас со стен... Помнишь того ворюгу, что пробрался ноябрей двадцать назад? Он теперь дверная ручка! И вечно держит в зубах кольцо. Так где наш гофмейстер? А вдруг он теперь... пепельница или сахарница?

Лис сморщил нос:

— Где-нибудь да обнаружится. В виде ночного горшка или умывальника, большего он не заслужил. Шиш с ним, с гофмейстером. Сами мы его всё равно не расколдуем. Нет больше гофмейстера Функа. А вот проблемы у нас — есть! Во-первых, дом без хозяина начнёт чудить... Через пару недель

я тебе даже пола под ногами не обещаю! Тут может разлиться болото или вулкан.

— Только не вулкан! — Кароль закатил глазки. — Буду жареный кролик.

— А во-вторых...

Раздался стук.

Звук исходил из треснутого зеркала в тёмном углу. Стучали с обратной стороны зеркала.

— Во-вторых, у нас приёмный час, — взвыл лис. — Только пикни, Кароль! Никто не должен знать, что его блистательство откинуло мантию и шапочку, понял? Для просителей всё по-прежнему!

— По-по-почему?

— Да потому что на этот дом мигом найдутся охотники! Вороний совет давно положил на него глаз. Дом стоит на подземной реке времени, Кароль! На жирной золотой жиле. Время — это то, что нужно всем... И когда они заполучат дом, думаешь, помилуют питомцев ростовщика? Он ободрал их как липку! Продавал жидкое время в настойках, каплях, мазях, пилюлях! Втридорога! Обласкан императором, заправлял дворцом, как сыр в масле катался! И вышел в отставку, скопив нехилое состояние. Как они его ненавидят, все эти ходячие мертвецы!

Из глубокой трещины в зеркале показалась сухая рука в кружевной перчатке.

— Готовы ли мои пилюли, гофмейстер? — проскрипел голос. — Они мне так нужны... Вы обещали.

— О, не утруждайте себя, графиня Дурманская! — Лис молниеносно накинул мантию и боком подкрался к зеркалу.

Одной лапой он натягивал край плаща на усатую морду, а второй искал на полке бутылочку с прозрачными шариками.

— Не входите, умоляю, сегодня мне нездоровится! Тиф! Чума! Свиная лихорадка! Короче, всё сразу. Сыпь, икота, заворот кишок. Последствия неудачного опыта... Вот ваши пилюли, кхе-кхе!

— Какой ужас! — Рука в перчатке вырвала бутылочку. — Вы совсем себя не бережёте!

На миг исчезла, а потом вернулась с мешочком, в котором звенело что-то тяжёлое.

— Возьмите скорее... Но в следующий раз мне нужно ещё больше пилюль! Они ведь так и летят.

Когда шаги по ту сторону зеркала стихли, Амадей сорвал мантию и клацнул зубами:

— Мы не сможем долго играть эту комедию. — Он помедлил, задумчиво натянул перчатку. — Пара недель в запасе есть. А потом нам нужен новый хозяин.

— Ты только что сказал...

— Нужен другой хозяин, — огрызнулся лис. — Не из этой шайки. Может быть, даже не из этого мира. Наш гофмейстер был редкая крыса и давно заслуживал смертельного чиха, но он, чёрт побери, любил этот дом. Лелеял его. Смирял его дикий нрав. Сотворил райское местечко. Он бы ни за что не допустил, чтобы родник времени достался Вороньему совету. Он должен был оставить завещание. Присмотреть какого-нибудь преемника! И мы с тобой, Кароль, его найдём.

— Пулярку подавать? — раздался деревянный голос.